

РОССИЯ

ДМИТРИЙ ШИШКИН

Дмитрий Шишкин

Восстание

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Шишкин Д. П.

Восстание / Д. П. Шишкин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Роман-фантазмагория. Двое московских аспирантов-биоинженеров, находясь под впечатлением от идей философа-космиста Николая Фёдорова, решают устроить мистификацию. Они похищают тело и мозг Ленина и заявляют, что им удалось воскресить вождя. Но ситуация выходит из-под контроля: задуманная ими игра оборачивается кровавым хаосом. В России по призыву «восставшего из мёртвых» большевика разгорается революция. Под её знамёнами объединяются непримиримые идейные противники. Сюрреализм происходящего подчёркивается религиозно-мистической истерией в обществе и аллюзиями на «Апокалипсис». Остановить бессмысленный и беспощадный бунт может только... Ленин.

Глава I

Толпа стекалась на Красную площадь заранее «подогретая». Были тому веские причины. Во всяком случае, ни прохожих, ни самих спешивших на концерт, ни, что особенно важно, полицейских это не удивляло. Событие – из ряда вон, не каждое десятилетие такие легендарные музыканты приезжают. На площади бар не откроешь, вот и готовилась публика самостоятельно. И холодно было, несмотря на календарную весну.

Этот первоапрельский холод сыграл важную роль в последующих трагических событиях. И дело было даже не столько в алкогольном подогреве толпы. Как обычно – стечение обстоятельств.

Например, факт установки VIP-трибуны. Он стал следствием мерзкой погоды: не будь холодно настолько, чтобы можно было похвастаться меховыми обновками, потащили бы своих благоверных на концерт дородные матроны с ярким макияжем на расплывшихся лицах? По крайней мере, не в таких количествах точно. Ведь у большей их части кумиры юности были иные: с заунывными песнями на три аккорда, совсем не похожие на этих вопиюще поджарых, в их-то возрасте, британцев с непонятными текстами и столь же непонятной музыкой. Но не прийти на такое громкое событие, по сезону в новой шубке, было бы светским казусом. Так что заявок на «особо важные» места было столько, что пришлось отдельный сектор обустроить. Кто конкретно распорядился, потом так и не разобрались. Да и не выясняли особо, всё было понятно: не в толпе же випам тереться со своими животами и дамами в горностаях.

Впрочем, все эти рассуждения уже из области более поздних морализаторских генеральских бесед. А фатальное обстоятельство в этой цепочке было определено следствием однозначно: VIP-трибуну сделали, а отдельного входа к ней – нет.

Организаторы концерта считали, что достаточно установить металлодетекторы всего в двух местах: легче проследить за тем, чтобы безбилетники не пролезали. Всё вроде бы продумали, випам в билетах время пораньше вписали – займут спокойно свои места, поручкаются, пообнимаются, а там уж и остальных запускать можно. Сначала пять тысяч счастливых обладателей билетов на сидячие места. Потом двадцать тысяч «стоячих». В плане всё было чётко.

Но когда публика попроще уже заполнила пространство перед ограждениями, важные персоны всё ещё тянулись. Если кто и подъехал, задержавшись, протиснуться уже было невозможно. А со стороны собора, где готовились музыканты, их заграничный директор строжайше запретил любых посторонних в принципе.

Народ тем временем напирал. Полицейских практически впечатали в ограждения, рации хрипло надрывались матами в адрес организаторов.

Кирилл, худосочный невысокий парень, заметно дрожал, прижав к себе обеими руками огромный, с него размером, прямоугольный чёрный футляр от какого-то музыкального инструмента, скорее всего, синтезатора. Он и сам не знал точно: купил у знакомых музыкантов то, что подошло по размеру.

Молодой человек периодически делал попытки пробраться сквозь толпу подальше от ограждений, но его неизменно сносило людской волной обратно, прямо к ментам. Каждый раз, когда его прижимало к человеку в униформе, дрожь усиливалась, а колени предательски подгибались. Прямо так, на полусогнутых ногах, с поднятым над головой, словно хоругвь, футляром, он вновь бросался в толпу, смешно, как болванчик, выныривая то с одной стороны «гробика», то с другой, пытаясь разглядеть брешь в стене тел.

В один из «приливов» футляр выскользнул из окоченевших от волнения и холода рук, Кирилл попытался остановить его падение коленками, но лёгкий ящик подпрыгнул на них и тюкнул двухметрового полицейского прямо в шлем. Гигант с огромным боевым шрамом через всё лицо и полуживой от страха аспирант биоинженерного факультета МГУ посмотрели друг на друга.

Полицейский не сразу сфокусировался на кирилловском лице, полузакрытом воротником пуховика. Наконец запеленговал подозрительно испуганный блеск карих глаз где-то на уровне своей груди. Омоновец недовольно отодвинул от себя футляр и угрожающе – иначе он не умел – спросил:

– Это чё ещё?

Кирилл хлопнул глазами. Ему показалось, что непозволительно громко.

– Ты из этих, на разогрее, чэль? – Голиаф, окинув взглядом скукоженную фигуру и профессионально оценив уровень представляемой опасности, сменил гнев на милость.

Парень отчаянно закивал, чудесным образом одновременно и утвердительно, и отрицательно.

Мент скептически скривился: гражданин перед ним с каждой секундой всё больше походил на больного. Но испуганный пуховичок, наконец, одолел судорогу и выдавил из себя:

– Да, музыкант.

– Пропуск есть? Ты чё здесь толчешься? Ваших у собора пропускают, – полицейский окинул взглядом напиравших людей и прикинул шансы плюгавенького пробраться. – Ну теперь уж чё, сам виноват, пройдёшь со всеми.

И, уже отворачиваясь, бросил через плечо:

– Можешь вон к входу протиснуться, по пропуску пустят. Хотя вряд ли ты пролезешь.

Чья-то рука схватила Кирилла за воротник и потянула назад. Оказавшись на безопасном расстоянии от оцепления, футляроносец оглянулся.

– Что там было, что он спрашивал? – Антон, его друг ещё с первого курса, голубоглазый статный блондин, любимец девушек и самого себя, сейчас выглядел непривычно растерянным. У него даже глаз дёргался и уголок рта. Красивое лицо это моментально превращало в карикатуру. Кирилл улыбнулся, и весь ужас последних нескольких минут, когда они оказались разлучены толпой, ушёл плавной тёплой волной, прошедшей от макушки до пяток.

– Нормально всё, – Кирилл сам поразился мужественным ноткам в своём голосе.

Рация одного из стоявших в оцеплении офицеров громко хрюкнула и заговорила командным голосом, слышимым всем окружающим в радиусе пяти метров:

– Как обстановка?

– Давят, товарищ полковник, еле держим!

– У нас тут тоже... – хрип помех вовремя отцензурировал сообщение, – рокеры эти, итить, уже скандалят. В первый раз, говорят, видим, чтобы музыканты раньше публики пришли, хе-кхе-кхе.

Раздались булькающие, словно предсмертные, хрипы старого нездорового человека. Стоявшие рядом с офицером люди перестали пыхтеть, локтями освобождая себе жизненное пространство. Они застыли, прислушиваясь, и напряжённо следя за развитием аудиоспектакля. Но полицейский никакого беспокойства не проявил, напротив, его физиономия расплылась в лёгкой подобострастной улыбке. Никто, судя по всему, помирать в прямом эфире не собирался. Слушатели тут же потеряли интерес к разговору и принялись с новыми силами топтать друг другу ноги.

– Ладно, знаешь чё, мы тут тоже не абы кто, пошли они на хрен, а то ща тут подавят народ, на... – умиравший от смеха секунду назад старик, судя по всему, заводился на ходу. – Запускай!

Рация издала завершающий хрюк. Офицер зачем-то взял под козырёк, на пятках повернулся в сторону ближайших бойцов из оцепления, без того всё слышавших, и повелительно кивнул, одновременно взмахнув рукой, пропускай, мол.

Кивок и жест по цепочке начали передаваться к входу. Где-то вдалеке скрипнул металл – народ, не дожидаясь особого приглашения, метнулся к ограждениям.

Толпа попёрла, сметая и символический забор, и потерявшее мотивацию после приказа «пропускать» оцепление, мимо рамок металлоискателей. Наличие билетов никто уже не проверял. Понятно было, что иначе площадь не заполнить и за пару часов. Двое парней с огромным футляром шли, зажатые в плотном строю. С лицами, как и у всех прорвавшихся, такими, будто штурмовали очередной Смольный: суровыми, решительными, волевыми. Словно не развлекаться собирались, а в последний бой. Непонятный рефлекс заставлял бороться за места в первых рядах, всеми силами заталкивая слабых и споткнувшихся назад, за спины. Хотя места у многих были прописаны в билетах, а для «стоячих» установили экраны, и вид на эти экраны и на сцену отовсюду был одинаковый. Но толпе не присуща логика.

Кирилл закашлялся, пытаясь вернуть к жизни застывший от холодного воздуха и волнения речевой аппарат.

– А ты помнишь, с чего всё начиналось? – просипел он.

– Угу, – так же прокашлявшись, ответил Антон, – конечно. Лекцию эту?

– Да. Про Фёдорова, – молодой человек заговорил уже чисто и довольно бойко. Разговор помогал отвлечься от мыслей о предстоящем и сопутствующего, почти животного страха. – Ты знаешь, нам много чего наш тихий маньяк не рассказал.

– Например? – тревожно спросил Антон, ожидая подвоха, когда они находились в двух шагах от цели.

– Ну... нашего-то дела это не касается, я вообще о философии.

– А-а-а, ну давай, всё равно надо о чём-то говорить. Так расслабляешься хоть чуток.

– Кроме той утопии, что нам препод описал, всечеловеческого единства, победы над смертью и прочего, у него есть и негативный сценарий, прикинь!

Антон с интересом обернулся к другу и едва не упал, поскользнувшись.

– Ты давай не отвлекайся, чапай потихоньку, – с улыбкой напутствовал Кирилл. – И вот, представь себе, мы пока что, похоже, идём именно по этому, другому пути.

– Ну?! – подбодрил Антон.

– Фёдоров говорил, что, возможно, сформируется новый тип человека – животный человек, или горожанин, который будет жениться не ради рождения детей, а исключительно ради секса, который установит господство технологий над духовным, будет пищу себе, ну и там все необходимые материалы синтезировать...

Толпа вынесла их в центр площади и начала рассасываться. Пора было действовать, пока не упустили момент. Кирилл упал на одно колено, как будто споткнувшись, но футляр «уронил» очень аккуратно. Антон присел рядом на корточки.

– И? – спросил он.

– И вот эта духовная деградация делает человека таким... вечным гедонистом, что ли, – продолжил Кирилл, – он уничтожит всё, что ему станет не нужным: животных, растения, все опасные изобретения, типа дирижаблей и воздушных шаров... Во времена Николая Фёдоровича-то других летательных аппаратов не было. Он перестанет заниматься наукой, экспери-

ментировать с изменением климата и прочим, – последние слова парень произносил, активно распахивая по карманам добытые из футляра боеприпасы – самодельные магниевые хлопушки и дымовые шашки.

Хлопушки были ещё полуфабрикатами, поэтому занимали много места: «гранаты» в виде картонных цилиндров с крышками и фитилями и отдельно «боевые вещества» в пластиковых контейнерах от жевательных конфет. Дымовые шашки были готовы: обрезанные с обеих сторон банки из-под пива, набитые пропитанными селитрой обрывками газет.

– Угу, – показывая, что выслушал, ответил Антон, взглянув исподлобья на толкавшихся вокруг людей.

Никто не обращал на ребят, согнувшихся над раскрытым футляром, ни малейшего внимания.

Антон, также распахивший по всем доступным карманам бомбочки, посильнее натянул ворот пуховика на лицо – в прорези между ним и шапкой были видны только глаза.

Кирилл захлопнул крышку. Присев на корточки друг против друга, парни начали готовить заряды, аккуратно перемешивая в картонных цилиндрах любовно напиленный для них химиками из универа магний с обычной марганцовкой.

– Так что там в конце? – натягивая на очередной цилиндр крышку с фитилём, неожиданно спросил Антон.

– В каком конце? – опешил Кирилл.

– Ну, ты рассказывал про альтернативный путь по Фёдорову...

– А-а-а, да. Человек-горожанин откажется от всего опасного для себя, главной целью сделает самосохранение. И вот тут, как ни парадоксально, стремясь уничтожить все угрозы, люди начнут истреблять друг друга миллионами.

– И?

– Что «и»? Вот и всё, пока не наступит судный день!

Антон усмехнулся:

– Очень кстати. Давай поджигать.

На сцену вышли музыканты «разогрева», принялись настраивать гитары. Под первые «ля» грохнули и первые магниевые хлопушки. С концентрацией «начинки» парни немного переборщили, ослепило и оглушило даже их, хотя и кидали в ноги народу, подальше от себя.

– Тера-а-акт! – нечеловеческим голосом заорал Антон, приоткрыв по случаю своё пуховое «забрало».

Пригнувшаяся под звуки хлопков толпа благодарно ответила женскими воплями.

– Бежим, сюда, сюда, к стене! – Антон рванул в сторону Мавзолея и увлёк за собой часть обезумевших зрителей.

А Кирилл всё ещё тёр глаза: одна из хлопушек, которую от неожиданности первых взрывов выронил из рук, сработала рядом с ним. А ведь оставалась куча не разбросанных «дымовух», надо было спешить. Кирилл упал на колени, глаза безостановочно слезились, руки дрожали, зажигалка искрила, но не давала пламени. Несколько раз его с силой ткнули в голову и бока разбежавшиеся в панике люди. С грехом пополам он поджёг и раскидал остатки боеприпасов, нащупал едва не раздавленный футляр и бросился вслед за Антоном.

Оцепления со стороны кремлёвских стен практически не было, организаторы рассудили, что тут защищать концертную площадку не от кого. Легко сметя хлипкое ограждение, толпа растеклась вдоль стен, унося с собою и редких людей в форме. Некрополь остался без охраны.

На шум из Мавзолея выскочил пожилой мужчина – любопытный научный сотрудник решил поглазеть на происходящее.

В тот же миг на него налетел огромный, как он потом рассказывал следователям, мужик в спецназовской чёрной униформе. Голос у него был хриплым и басовитым, с явным акцентом, не то английским, не то кавказским. Лица боевика, опять же, по рассказу потерпевшего, не было видно: то ли шлем такой, то ли маскировочная раскраска, то ли просто так потемнело в глазах от шока. Затащив его в Мавзолей, «спецназовец» достал динамитную шашку и, угрожая поджечь фитиль, потребовал открыть саркофаг и извлечь из него тело. Потом прибежал второй налётчик, с гробом на ручке.

С этого момента показания работника Научно-исследовательского центра биомедицинских технологий стали ещё более путанными. Удалось лишь выяснить, что вообще этот учёный делал в Мавзолее в столь поздний час. Оказалось, вновь – роковое стечение обстоятельств. Именно в этот злополучный день он выпросил у коменданта Мавзолея разрешение остаться на объекте допоздна, якобы какие-то опыты ночные проводить. А на самом деле хитрец собирался вспомнить молодость и бесплатно попасть на концерт. Услышав возросший гул, он решил, что самое время присоединиться к веселью...

Часть произошедшего далее удалось восстановить по записям камер видеонаблюдения.

Трясущийся от страха учёный расторопно, даже чересчур, бросился выполнять требования нападавших. Тот, что помельче, раскрыл свой футляр, а рослый с научным сотрудником аккуратно в него уложили мумию.

Когда оба налётчика удалились, мужчина немного посидел на полу и, спустя полчаса, скрылся в техническом помещении.

Там его и нашли через сутки, когда сняли оцепление и на объект смогли попасть коллеги несчастного. К тому времени он выпил весь запас медицинского спирта и потом ещё две недели отлёживался в стационаре.

Глава II

– Слышала ты? Ильич воскрес! – выпалила с порога Елена Никаноровна и для убедительности страшно выпучила глаза.

– Господь с тобой! – Анна Евгеньевна истово перекрестилась на иконки в красном углу. Потом пошарила взглядом по трюмо и, найдя там бюстик Ленина, на всякий случай перекрестилась и на него.

– Истинно тебе говорю – второе пришествие! – Елена Никаноровна перекрестилась в свою очередь и без приглашения села на табурет сбоку от двери. – Что деется в мире-то, из мёртвых восстал! Выкрали же давеча его из Мавзолея, вызволили из стеклянного гроба – так он и ожил!

Анну Евгеньевну надвое рвали противоречивые и чудным образом уживавшиеся в ней всю сознательную жизнь чувства: религиозная преданность Иисусу и коммунистическая – заветам Ильича. Бабка Ленка сейчас, вот тут, напротив сидящая, обычная бабка с плохим восьмилетним образованием внезапно собрала в одну, простую и понятную, а, главное, спасительную мысль все метания души, терзавшие Анну долгие годы. «Вот, идея-то простая: Он (она украдкой бросила взгляд на иконку) и Он (перевела взгляд на Ленина) – суть одно!» – радостное прозрение билось в висках пожилой женщины и кружило голову, сердце ёкнуло и, казалось, не билось уже минуту.

Вслух она произнесла, однако, совсем иное, да настолько, что сама себя удивила:

– Быть того не может! Шутки какие-то шутят. Скоро найдут да обратно привезут, вот увидишь, аккурат, как лето к нам придёт.

Если верить висевшему на стене отрывному календарю, на дворе было как раз лето, июнь начался. Эта обыкновенная для жителей захудалого сибирского села с чудным названием Захрапнево оговорка – «когда к нам придёт» – многое объясняла. И их сибирский характер, и

особое миропонимание... В нём и фатализм, и отрешённость, и скепсис, и ирония. Календарь и времена года никогда там не сходились, как и разные планы и обещания. Для захрапневцев что приход лета, что газопровод до деревни, что второе пришествие были одинаково абстрактными понятиями. Но ни Анна Евгеньевна, ни Елена Никаноровна об этом не думали, всё шло как-то само собою.

– Выходка хулиганская, молодёжь анархистская балуется, – продолжила Анна Евгеньевна, – по всем каналам сто раз говорили!

– Ты же не знаешь главного-то! – Елена Никаноровна быстро оглянулась по углам, будто ища там чужие уши. Странная привычка осталась ещё с советских лет. Хотя ни тогда никому не нужны они были в своём Захрапнево, ни тем более теперь, когда в ходе неуклонного улучшения макроэкономических показателей из села исчезли две трети жителей, газ и водопровод. Тем не менее, баба Лена перешла на заговорщицкий шёпот:

– Вся правда сейчас в Интернете только! В центре-то, в Знаменском, Интернет есть у людей, они же знают!

Анна Евгеньевна подвинула стул ближе к подруге, присела, наклонившись вперёд, а та вдохновенно продолжила:

– И у Арсентьевны, и у батюшки даже, у отца Всеволода! Они все видели, живой он, воистину, сам читал обращение к народу!

Елена Никаноровна ещё раз перекрестилась и прошлась сканирующим взглядом по углам.

– Конец веков настанет и последняя битва, говорю тебе! В России беспокойно уже, военные шевелятся, народ поднимается. Отец Всеволод говорит, что пришло время для великой миссии России, молится он денно и ночью, и нам велит!

Анна Евгеньевна неожиданно заплакала. Поток информации был столь велик, что с ним не справлялся ни мозг, уже закипавший, ни сердце, только сейчас отошедшее и начавшее громко стучать кровью в висках. Но сочетание слов и имён, перед которыми Анна испытывала безусловный пиетет, сделало своё дело. После «отца Всеволода», «Интернета» и «великой миссии России» рассудок сопротивляться более не мог.

– А в чём миссия-то? – сквозь слёзы спросила она.

Но вопрос остался без ответа. Баба Лена рванула к окошку с несоразмерной возрасту прытью. Приоткрыла его, прислушалась.

– Слышишь? Военные идут!

Анна Евгеньевна осторожно поднялась со стула. Известий за последние полчаса было столько, что, не дай Бог, удар сделается. Тихонько, шажок за шажочком, подошла к окну. Действительно, издали, откуда-то из-за леса, слышался гул. Там раньше была дорога, военные проложили в начале семидесятых. Говорят, готовили незаметную переброску войск к китайской границе. Гражданским дорога там была ни к чему – ни лес возить, ни ехать куда-то. Она вела из ниоткуда в никуда, исключительно военная забава. И гул был знакомый, лет двадцать с лихом назад такой слышали. Когда военные ещё что-то в лесах своё репетировали, а не сидели на базах, охраняя то имущество, что не успели разворовать после распада Союза.

Анна Евгеньевна улыбнулась. Ей было приятно, что хоть что-то ещё работает. И она с удовольствием различала в этом далёком шуме и рык моторов, и лязг гусениц. Холодок пробежал по её спине, точно как в молодости, когда они, ещё девчонками, мечтательно поглядывали на молодых командиров, верили и в миссию, и в непобедимость, и в построение коммунизма... Да и сейчас, какие они бабки? Лене – шестьдесят восемь, ей – шестьдесят пять. Видела она по телевизору, как их ровесницы, такие же послевоенные дети, немки, отдыхают на курортах с голыми сиськами. Стыдобища, конечно, но зависть брала. Они в платки не кутаются и бабками друг друга, наверняка, не называют. Бывшая сельская учительница Анна Евгеньевна ушла мыслями далеко, она улыбалась и плакала одновременно.

В поточной аудитории было как обычно: чуть воняло сыростью, тускло светили, периодически помаргивая, лампы дневного света. Зачем отдавать под такие нудные предметы огромное помещение, непонятно было. Со всего потока, и без того небольшого, на философию ходило от силы человек двадцать. Рассредоточившись по ярусам аудитории парами, тройками, реже четвёрками, они внимали. Пятеро с двух первых рядов, чётко решившие для себя и родителей, что окончат МГУ с красными дипломами, внимали преподавателю. Средние ярусы обычно внимали друг другу. Последние внимали Морфею. А один особо циничный тип, Серёга Журавлёв, забирался на самую верхотуру и читал научные журналы, изредка всхлипывая в истеричном смехе. Наверняка он что-то предварительно принимал для расширения сознания.

Хорошо, что философия ждала студентов факультета биоинженерии и биоинформатики на четвёртом и пятом курсах, когда разум малость окреп, а характер закалился. Молодёжь с иных факультетов, где философию ставили в расписание по старинке, быстро и практически безболезненно для гибкой первокурсной психики миновала это испытание. Студенты отмучились, отписались на форумах и в соцсетях по поводу бесполезного предмета и забыли. А этим без пяти минут биоинженерам кое-что запало в мозг, зацепило осколками сомнений цельную до поры картину мира.

Лекцию потоку Кирилла и Антона в этот день читал Михаил Александрович – редкое исключение из занятой и пёстрой философской компании кривых, косых, алкоголиков, коммунистических старых дев и просветлённых лысеющих молодых мужчин, вечно пахнущих восточными благовониями. В целом адекватный, хотя и любил иногда пуститься в ностальгические воспоминания о временах, когда студенты-философы не занимались ерундой, а периодически сходили с ума и выпрыгивали из окон университетской сталинской высотки.

Он даже выглядел прилично, несмотря на то что взяток не брал. Его единственный костюм ещё советского пошива выглядел безупречно, хотя жены у Михаила Александровича не было. Он жил в общежитии уже лет тридцать, с момента поступления в МГУ. По мере карьерного роста его жилая площадь увеличивалась и сейчас уже достигла пятнадцати квадратных метров при полном отсутствии сожителей. Личная комната практически в центре Москвы, костюм, холодильник, телевизор, подаренный кафедрой на пятидесятилетний юбилей – что ещё нужно человеку, углублённому в докторскую по русской религиозной философии XIX – XX веков?

Было очевидно, что на способности этой «биомассы» к философии он давно поставил жирный крест. И не питал иллюзий даже относительно тех студентов, что сидели в первых рядах и знали, кто написал «Феноменологию духа». «Биомассой», разумеется, вслух он закреплённых за ним биоинженеров не называл – исключительно за глаза, на кафедре. Но студентам это обзывательство было прекрасно известно, благодаря неподдельной атмосфере взаимопомощи и дружбы в преподавательских коллективах, где каждый стремился максимально полно передать подрастающему поколению информацию о своих коллегах, иногда вплоть до интимных подробностей. Но Михаила Александровича бог миловал: кроме несдержанности на язык, других пороков за ним замечено не было.

Со своей аудиторией он отрабатывал номер, играя в свойского рубаху-парня, ведь ему надо было на что-то жить, а чем больше положительных отзывов от студентов, тем выше шансы получить дополнительные академические часы. Поэтому он слушателей старался не утомлять, а развлекать, иногда уж совсем переходя грань и воплощаясь в лечащего врача безнадежных дебилов. Умные мысли он расчётливо оставлял себе и декану – здоровому мужику, бывшему своему научному руководителю, закованному нынче в костюм и кресло, но любящему вспомнить лихие научные годы за рюмкой. Только в эти моменты духовного соития в глазах Михаила

Александровича пропадала то ли сумасшедшинка, то ли маниакальная ненависть к прожигающим жизнь безмозглым созданиям, и появлялся здоровый пьяный блеск.

Сегодня Михаил Александрович прогуливался чётким мерным шагом от кафедры до выхода и обратно, непрерывно говоря и жестикуюлируя, периодически бросая безумный взгляд куда-то в центр аудитории. Средние и задние ярусы, увлечённые вопросами последнего секса, последнего фильма и последнего гаджета, самоуверенно думали, что сумасшедший доцент их не замечает. На самом же деле в голове преподавателя всё ещё тлела надежда привлечь внимание скучающей аудитории. В конце концов, проще и доступнее, чем он, с кафедры никто лекций не читал. Михаил Александрович был в запале, спецкурс по философским основам биоинженерии давал простор для авторского подхода.

– Мы привыкли воспринимать лидеров коммунистической революции как воинствующих атеистов, убеждённых в том, что в мире царят законы материализма, и нет места ничему, что не объясняется этими научными законами. Так ведь?

Он обратил распростёртые руки к аудитории и, не дожидаясь никакой реакции, самозабвенно продолжил. Всё это было бы похоже на театр одного актёра, если бы не пять ботанов и неожиданно заинтересовавшийся темой Кирилл. Философией он увлекался со старших классов, но неприязнь к марксизму-ленинизму впиталась сама собой из окружавшей его атмосферы. Поэтому только неожиданный поворот темы мог заставить его слушать про лидеров компартии.

– А между тем вся верхушка большевиков была точно так же маниакально увлечена религиозно-мистическими учениями, – Михаил Александрович указующим перстом ткнул в направлении одной из моргавших ламп, – как и любое другое тайное общество в истории человечества!

Преподаватель остановился и взглядом победителя обвёл скудную аудиторию, с упоением отметив про себя, что двое со средних рядов отвлеклись от своих смартфонов. Одобрительно хмыкнув, он продолжил, совсем войдя в раж, уже почти крича и округляя глаза.

– Они стали с ума сходить после того, как на них вдруг свалилась власть над огромной империей. Им, как и любым тиранам, захотелось стать бессмертными. Но, в отличие от богобоязненных кровопийц прошлого, они думали, что это им по силам.

Всё это настолько не вязалось ни с названием спецпредмета, ни с прослушанным ранее курсом истории философии, плюс тихий маньяк (как между собой ещё с первого знакомства прозвали его студенты) Михаил Александрович так разошёлся, что свершилось чудо: лишь двое пятикурсников продолжали мирно сопеть, а остальные недоуменно пялились в сторону кафедры.

Кирилл уже растолкал увлечённо перекидывавшегося SMS с какой-то новой знакомой Антона и вкратце ввёл его в курс дела.

– Сейчас уже не установить, кто первый из большевиков проникся учением русского философа, основоположника космизма Николая Фёдорова. Но факт, что к моменту смерти Ленина уже вся большевистская номенклатура свято верила в возможность физического воскрешения, которое Фёдоров провозгласил целью человечества! – продолжал Михаил Александрович, в своём воображении уже перенёсшийся в тело Цицерона, вещающего толстым и ленивым сенаторам. – Причём это было тайное знание. Никто из призванных бальзамировать тело Ленина, изымать и консервировать его мозг, никто... – «Цицерон» замер в театральной паузе, – не знал, зачем это было затеяно.

Из-за леса показалась голова колонны. Дальше идти можно было только через Захрапнево, военная дорога заканчивалась примерно за километр до села. Непонятно, чем руковод-

становались армейские строители, наверное, надеялись, что поле меж двумя дорогами введёт противника в заблуждение.

Гражданская дорога тут ранее тоже была ничего, кое-где даже выглядывали из-под разрушенного полотна остатки бетонных плит. Видимо, рассчитывали на проход тяжёлой техники. Но потом забыли. В последний раз танк тут видели в позапрошлом году. Солдатики выпивали, да кончилось не вовремя. Бензина для машины нет, но танки-то всегда заправлены! Приехали за добавкой в сельмаг. Тоже отстали от реалий, сельмага не было уже года три. Но вояк пожалели и продали самогонку, хоть и для себя гнали.

Сегодня же было какое-то невиданное шоу. Грохот нарастал. Колонна уже почти на километр вытянулась из леса, приближалась к селу. Смеркалось, и что-то разглядеть вдаль было проблематично, но по звуку угадывалось, что тут далеко даже до её половины. Шла, видимо, целая бригада – остатки мотострелковой дивизии, что стояла в лесах в советские времена, как бы скрывшись от вражеской разведки, хотя уже тогда ясно было, что так ничего не спрячешь.

Население всех двенадцати, оставшихся целыми, домов Захрапнево вывалило на дорогу. Хлеб с солью решили не выносить, ибо цель военного похода была непонятна. Но для командира приготовили здоровенный и совсем не мутный пузырь. Отборная самогонка, чистили и марганцовкой, и активированным углём, даже бросили в бутылку для запаха корицы. Обычно такая шла на стол районному начальству, раз в полгода заезжавшему проверить, не все ли уже померли. Было подозрение, что только этого и ждут, чтобы списать село совсем и отрубить электричество. Отборная самогонка, похоже, тратилась зря, но вера в начальство и светлое будущее была неистребима. Всё равно что-то просили, на что-то надеялись. Начальство напивалось, багровело, добрело, проникалось средневековым раболепием подданных и обещало небесную манну или хотя бы вернуть газ.

От колонны отделился узик, украшенный, как на параде, российским триколором и флагом бригады.

Командир, выпрыгнувший из машины, был статен, молод и красив, форма сидела, как влитая, волосы русые, глаза почти синие. Бабки вздохнули.

– Чёли, на Омск идёте, иль в Казахстан? – обыденно, хотя волнение и чувствовалось в голосе, спросил Петрович, один из двух оставшихся в деревне мужиков. – Иль война какая?

Командир подошёл вплотную, принял бутылку в объятия, передал подоспевшему адъютанту. Посмотрел строго и внимательно в глаза Петровичу, потом обвёл взглядом бабок и второго мужичка деревни, Михалыча, ещё с похмелья не понявшего, что происходит.

В голове майора Чернова, по стечению обстоятельств возглавившего целую бригаду, кипели и роились, сталкиваясь и мешая друг другу, мысли. Это была первая встреча с населением с того момента, как он принял серьёзнейшее решение, разоружил командира бригады и повёл бойцов спасать Россию. Он с детства мечтал об этом, о высокой миссии. Потом военное училище и замызганные гарнизоны, нищета, мысли о пропавшей стране сильно его дух подломили. Даже воспоминания детства, иногда прорывавшиеся в его голову со знакомыми запахами или предметами, уже не будоражили его, а только больше ввергали в депрессию. Сейчас же наступил тот самый час проверки: перед ним в согбенном и бледном виде народ России, настоящий, а не те особи, что от его имени в Интернете пыхтят злобой и неудовлетворённостью по каждому поводу. И от того, как эти люди его воспримут – способен ли он предстать в образе спасителя нации, будет ли он героем или объявлен предателем – сейчас всё решалось.

– Я... – Чернов захрипел и закашлялся. – Я представляю нейтральные вооружённые силы России.

Бабки вопросительно вытаращили глаза. Майор растерялся.

– Вы новости-то знаете?

Впечатлительная и самая старая из захрапневцев бабка Зина охнула и картинно села в кучу сухой прошлогодней травы, схватившись за сердце.

– Война, чёлъ?

– Какие новости, сынок? – вступила в разговор Анна Евгеньевна. – По телевизору никаких новостей уже месяц как нет, у нас два канала всего ловит, смотрим развлекательные программы. Уж лет за пять все старые показали.

Чернов замаялся, героический образ растворился на глазах, ещё не успев воплотиться в реальность.

– Сумятица в России! – заговорил он старым слогом. – Брожение в умах, брожение в массах!

Некстати совсем выпал, звякнув, брелок, когда он решил вынуть руку из кармана. Майор нагнулся, поднял, окончательно выйдя из роли декабриста. Постоял ещё с полминуты, разочарованно обзирая захрапневцев, которые порушили, не ведая того, все его детские мечты, плюнул про себя на попытки предстать интеллигентно и загадочно.

– Слухи распустили, будто Ленин воскрес, – лицо Чернова сделалось по-военному жёстким, голос – не терпящим возражений. Он словно вернулся в привычный для себя гарнизон к потным и тупым солдатам, к жирным и таким же тупым генералам. Мираж рассосался, высокий слог стал не нужен. Надо было быть понятным и кратким, быстрым и решительным, простым и бедным, как в жизни, так и в речи – самим собой. Это Россия, как ты не выкручивай мысли и словеса, в памяти останется только, что студент зарубил топором старушку, так надо с главного и начинать. – Оживились всякие враги, назвались красными, хотя там ни капли красного и нету, разве что кровь, которую они проливают! Взяли Питер. Власть никчёмна. Армия за народ. Народ ничего не понимает. Мы решили держаться нейтралитета. Власти сопротивляться не можем, у нас присяга. Красных поддерживать не станем, они предатели. Не дадим разрушить страну. Идём на Москву, но крови проливать не будем. Возьмём под охрану, чтобы не погубили сердце России всякие там...

Захрапневцы не паниковали, но и воодушевления никакого не испытывали. Они стояли и смотрели на Чернова, как мудрый учитель на хулиганящего ученика, уставший от его проделок, но и видящий заранее его будущее. Они были пассивны, а во взглядах читалась усталость.

– Может, поешь чего? – прервала поток красноречия командира Елена Никаноровна. – Всех-то мы, конечно, не накормим, ну а ты успеешь покушать, пока твои мимо проходить будут.

На глазах Чернова выступили слёзы. Он махнул рукой, глубоко вздохнул:

– Ладно, бабки. Двигаться нам надо без промедления. Может, потом когда и спасибо скажете.

Узик развернулся и уехал вслед за поворачивавшей уже на гражданскую дорогу колонной.

Сельчане постояли, переглядываясь, и, не сговариваясь, разом пошли по домам, переваживать информацию. Петрович единственный помчался бегом, вприпрыжку. Никак чемодан паковать собрался, сына ехать спасать, служащего где-то в Западном военном округе.

Анна Евгеньевна зашла в дом и, хотя уже стемнело, не стала включать свет, зажгла свечу. Вздохнула глубоко, сквозь слёзы, налила стопку, выпила. Встала у окна, вглядываясь в совершенно чёрную пустоту за ним.

Раньше там было уличное освещение. Когда его отключили, было поначалу очень страшно. Особенно лет десять назад, как народ поразъехался, да собак мало стало, прямо к селу начали подходить волки. Сейчас уже все привыкли и к темени, и к зверью.

Тогда же, десять лет назад, скончался, наконец, от беспробудной пьянки её муж. Отмучился и её отмучил. Появилась то ли свобода, то ли безнадёжность. Она и сама толком не понимала эту пустоту.

– Ночь, улица, фонарь, аптека, – привычно для себя начала декламировать Блока Анна Евгеньевна, но с другими совсем смыслами. Слезы бежали по щекам, она давно отучилась их смахивать.

Сколько стихов было перечитано перед этим окном? За годы, что закрылась школа в Захрапнево, а в райцентре, в Знаменском, школу оптимизировали, на две трети сократив преподавательский состав, она выучила уже почти весь серебряный век. Такого профессионального подъёма не было даже в молодости, только учить стало некого. Теперь своими стихами лишь волков пугать за окнами да себя тешить. Она декламирала, активно жестикулируя руками, со всё нараставшим накалом, сквозь слёзы, которые нестерпимым солёным вкусом жгли язык. Наверное, так и делали голодные и сумасшедшие от безысходности вокруг русские поэты.

Анна Евгеньевна видела перед собой сквозь блики свечи в чёрном окне Неву и отсветы фонарей в ней. Оттуда она, более сорока лет назад, приехала по распределению из ленинградского пединститута в село Захрапнево. Приехала навсегда, как оказалось.

Осталась лишь в воспоминаниях огромная, с остатками бывшего буржуйского пафоса, коммуналка на Синопской, очень удачно заселённая, практически одними родственниками. Из чужих – только тихая седая парочка неведомо как выживших вдвоём блокадников. Дедок, правда, был не особо приятным, поговаривали, что в блокаду он был в партактиве и доступ имел, кроме как к одинаковому для всех пайку, ещё и к обкомовскому буфету. Но разговоры разговорами, а старики никому не мешали и не досаждали. Потом умерли её родители, кто-то переехал. Когда была приватизация, одни из родственников сумели на себя переписать всю жилплощадь, каким-то бюрократическим чудом вычеркнув всех законных претендентов, включая Анну Евгеньевну, и выселив никак не хотевших помирать стариков в приют. Возвращаться было некуда.

Нет, определённо Блок другие мысли вкладывал в свои строки, читаемые Анной Евгеньевной сорванным голосом.

...И повторится всё, как встарь:

Ночь, ледяная рябь канала,

Аптека, улица, фонарь.

Она села, почти упала на стул, уронила на стол руки и затем так же, совершенно не пытаясь контролировать скорость падения, с глухим стуком – голову. Начала читать что-то ещё, а, может, и по второму кругу то же, с нею такое часто бывало. Но уже не слышно было ничего сквозь рыдания, только стук засохшего кулича, что привыкла хранить до следующей Пасхи, он дрожал и бился о стены хрустальной вазы на столе. Она рыдала так сильно, что стол ходил ходуном, а кулич пытался выпрыгнуть, устав от ежедневных таких испытаний.

Оживившаяся аудитория почти в полном составе внимала довольному успехом Михаилу Александровичу. Он всё так же прогуливался, но уже куда более спокойно и размеренно.

– Да и, собственно, сами вожди компартии не до конца представляли себе, во что верили. Они в учении Фёдорова уяснили только одно: после искупления Христом первородного греха людей, дальнейшее спасение их и окружающего мира целиком зависит от самих людей.

Преподаватель остановился, о чём-то высоком, понятное дело, задумался, отрешённо уставившись в одну точку. Продолжил через несколько секунд.

– Сам Фёдоров был глубоко религиозен, и его философия общего дела, как её называли ученики, виделась ему вполне логичным продолжением христианского учения. Просто он счи-

тал безнадежно устаревшим церковное, по сути средневековое, христианское мировоззрение. После Коперника человечеству открылись новые, космические перспективы. И развитие науки дало возможность людям бороться с природной стихией, самостоятельно обустроить планету. А в будущем, как был он убежден, в момент достижения окончательного торжества общего дела человечества необходима победа над последним врагом – смертью. Эта идея общего дела нравилась очень многим. Фёдоров – не особо знаменитая фигура, он сам чурался известности. Между тем о нём и его учении восхищённо отзывались современники – Толстой, Достоевский, Циолковский, Владимир Соловьёв... Само по себе физическое воскрешение было в его учении одним из этапов человеческого прогресса.

Михаил Александрович пребывал в каком-то полусознательном состоянии, речь его становилась всё медленнее. Вдруг он резко дернул плечами и головой, как собака, отряхивающаяся от воды, словно скидывая охватившее его наваждение. Внимательно оглядел зал, местами уже заскучавший от потока мудрёных слов. Понял, что малость переоценил этих уже практически выпускников и поспешил закруглиться как можно проще, чтобы хоть что-то в сознании «биомассы» осталось.

– В общем, поводов ценить Фёдорова было предостаточно у тогдашней прогрессивной общественности, среди которых были и будущие революционеры. Он считал, что общее дело заключается во всеобщем единении, синтезе сословий, народов, культур, наук, религий ради достижения реальной власти над природой. И по достижении этого всечеловеческого единства, когда будут побеждены все болезни и природные стихии, а наука и вера объединятся в совершенную религию, тогда станет доступно воскрешение наших отцов – всех предыдущих поколений! – Михаил Александрович скептически ухмыльнулся, не до конца, очевидно, разделяя мечтания цитируемого старца, но глаза его по-прежнему горели. – Причём Фёдоров даже описывал некоторые, скажем так, технические моменты. Он считал, что колебания атомов и молекул вызывают волны, из которых формируются некие лучистые образы любого существа, когда-либо жившего. И вот, собирая атомы по этим образам в тела, можно будет достичь великой христианской цели, победы над смертью, и воскресить умерших.

– Всех? – раздался звонкий девичий голос со смешинкой.

Михаил Александрович улыбнулся.

– Ну не совсем, только достойных. Но их, как предполагал Фёдоров, будет очень много, настолько, что всё человечество просто не поместится на планете Земля. Выход он тоже предложил – заселять Вселенную. Именно поэтому, собственно, в последующем это учение назвали космизмом.

В аудитории раздался смех нескольких голосов, но в этот раз преподаватель недовольно поморщился.

– Между прочим, я рассказываю вам, конечно же, очень общо. А учение на самом деле обширное и стройное. Есть в нём, безусловно, некоторая наивность, особенно, что касается научных моментов. Взять, к примеру, эти лучистые образы. Предположим, они действительно есть. Хотя, что там предположим, – преподаватель махнул рукой, словно делая ставку в карточной игре: «эх, была не была!», – наверняка колеблющиеся атомы создают волны определенной частоты. Но возникает вопрос, на какое расстояние от планеты эти волны могут уйти, если, к примеру, человек две тысячи лет назад умер? Или эти лучистые образы удерживаются гравитацией, как материальные частицы? Но до какого момента это возможно, нельзя ведь представить, что это волновое движение не угасает со временем и расстоянием, а, учитывая количество умирающих ежедневно, растёт год от года?

Михаил Александрович внимательно взгляделся в глаза сидевших на первом ряду отличников, ища в них мысль и сопереживание, словно призывая подключиться к невидимой дискуссии с Фёдоровым.

– И это только вопросы научного характера. Достаточно было в отношении теории Фёдорова и его учеников и философской критики за непоследовательность, за смешение натурализма и мистицизма, попытки заменить христианские догматы материалистическими теориями.

Михаил Александрович понял, что слишком увлёкся критикой, и сейчас в головах студентов из только что вложенных туда познаний вмиг образуется неаппетитная каша.

– Тем не менее даже критики относились к этому учению более чем серьёзно. К примеру, оно оказало очень сильное влияние и на Циолковского, и позже на Королёва. Фёдоров оставил своё имя в истории космонавтики, несомненно. В 1961 году, когда Гагарин впервые облетел Землю, на Западе даже выходила статья «Два Гагарина», где вспоминали русского философа, который на самом деле был тоже Гагарин! – аудитория изумлённо зашумела. – Да-да! – победно продолжил преподаватель. – Фёдоров – это фамилия его крёстного отца, а сам он считается незаконнорождённым сыном князя Гагарина.

Лектор уже занял место за кафедрой, сложил на неё руки, удобно облокотившись, и довольно обозревал ожившую аудиторию.

– Но вернёмся к теме. Из атомов ли собирать, по лучистым ли образам – это не суть важно. Главное, что Фёдоров считал, будто наука дана человечеству для того, чтобы самостоятельно справиться с несовершенством мира, чтобы люди стали божественным орудием вместо падших ангелов. Эта идея безумно нравилась большевикам. Фактически это учение стало их новой, тайной религией. В лучистые образы, я думаю, они не особенно-то верили. Поэтому, когда спустя двадцать один год после смерти Фёдорова скончался Ленин, они решили поступить наверняка и тело вождя забальзамировать, в чёткой уверенности, что спустя годы наука достигнет необходимого уровня, чтобы претворить идеи Фёдорова в жизнь.

Аудитория загудела, обсуждая новое и чудное знание. Михаил Александрович счастливо улыбался, что было для него большой редкостью.

– А вы что думали, его для красоты бальзамировали, что ли? – в голосе чувствовался смех. – А потом кроме него ещё целую плеяду большевистских вождей? Так же как некоторые нувориши сейчас замораживают своих умерших родственников в надежде, что в будущем технологии усовершенствуются, и можно будет их разморозить и воскресить, точно так же действовали большевики. Только у них не просто надежды были, а целое учение и настоящая вера, посильнее, чем у многих религиозных людей. Причём коммунисты исправили, как они считали, ошибку древних египтян. Они позаботились о сохранении интеллекта и памяти своих мумий, законсервировав их мозги в специально созданном для того Институте мозга. Так что, господа, история большевизма ещё не закончена, – Михаил Александрович уже откровенно рисовался, театрально развёл руки, – мумии у кремлёвской стены и их мозги в склянках лежат и ждут своего второго пришествия. Наука с тех времён, вам ли не знать, действительно, очень серьёзно продвинулась вперёд.

Финал вышел совсем неожиданным: Михаил Александрович, тот самый «тихий маньяк», подмигнул студентам и рассмеялся.

Глава III

Ленина в футляре бросили под кровать. И тут же, обессилев, на неё плюхнулись, не сняв свои пуховики. Несмотря на то что самое страшное, казалось, уже позади, трясоти особенно сильно начало именно сейчас.

Пару минут сидели молча, борясь с эмоциями поодиночке. Антон встал, вздохнул и отправился мимо стены, обклеенной странной, от «The Beatles» до «структуры ДНК человека», подборкой плакатов, на микрокухню их съёмной однушки.

Обыкновенная московская хрущёвка, которой дважды уже продлевали «срок годности», что прелести ей не добавляло, но и цену аренды не снижало. Жили парни здесь с первого курса университета. Быстро сдружились, познакомившись ещё на вступительных экзаменах.

Оба очень разные, потому и сошлись. Антон из уважаемой советской семьи: престижная школа, большая квартира в центре Питера, на Синопской набережной. Кирилл из маленького, забытого богом города со странной этимологией, Мегидовки, в средней полосе России. Обычный двор с алкашами, среди которых ошивался одно время и его папаша, в полном смысле слова бывший интеллигентный человек, некогда директор театра, с позором изгнанный за постоянные пьянки сначала с работы, а потом и измученной мамкой из дому.

Кирилл детство провёл в обнимку с книжками, вырос парнем рассудительным и, по мнению Антона, часто до тошноты нудным и правильным, однако при всём этом человеком хорошим и в общении вполне сносным. К тому же парень не обладал примечательной внешностью, роста был ниже среднего, одним словом, совершенно не составлял красавцу-Антону конкуренции за девичьи сердца. Это делало многолетнее соседство взаимоприемлемым и бесконфликтным.

Всё шло к тому, что и работать потом будут вместе всю жизнь. Были бы разнополые, давно бы пришлось пожениться от такой безысходной предопределённости.

Кирилла в «сожителе» тоже всё устраивало. Об Антоне он привык думать, как о непутёвом гуляке, парне, безусловно, не бесталанном (вот и в аспирантуру он поступил безо всякого труда), но прожигающем жизнь и чётких планов на неё не имевшем. Всякие философские разговоры о смысле, бытии, духе Антон всегда пресекал в зародыше, ему это было скучно и неинтересно. Учёба увлекала его эпизодически, занимался активно он только темами, которые ему самому нравились. Иногда Кирилл даже завидовал Антону. Но это только в редкие моменты, когда отчаивался от своих сложных размышлений, и душа просила покоя и простых радостей. Но в целом, конечно, Кирилл был уверен, что на голову превосходит друга почти во всём, если не считать животных параметров: физической силы и красоты.

Тут же, в критической ситуации, он впервые почувствовал себя ведомым, зависимым от решительности и предусмотрительности Антона. Он начал удивлять с того момента, как гипотетические разговоры «ах, как неплохо было бы заполнить эти мощи» внезапно и именно по воле Антона переросли в реальный проект.

А сегодня он читал Маяковского. Неожиданно. И, казалось, без причины. Кирилл был уверен, что Антон вовсе ни одного стихотворения наизусть не знает, не вязалось это никак с его образом. И потом, он же шесть лет молчал! Откуда вдруг серебряный век? Как он пересёкся с животными инстинктами «альфа-самца»?

Антон вернулся из кухни с початой парнями ранее бутылкой коньяка, внутри плескалась жидкость сомнительного качества, но с гарантированным эффектом.

Выпили из стоявших на рабочем столе кружек с коричневыми разводами по краям. Антон глубокомысленно вздохнул и по-философски долил себе одному, выпил.

– Ты помнишь «Хорошо!» Маяковского? – наверное, всплеск адреналина в связи с сегодняшней операцией что-то в антоновском мозгу, глубоко спящее, задел. – Когда он прогуливался по набережной и узнал в греющемся у костра солдате Блока?

Не дожидаясь ответа, Антон начал читать, очень артистично и вдохновенно, чеканя каждую «ступеньку»:

Кругом
тонула
Россия Блока...
Незнакомки,
дымки севера
шли

на дно,
как идут
обломки
и жестянки
консервов.

Антон потянулся к бутылке, но Кирилл его опередил, помня историю предыдущего долива. Разлил поровну сначала, потом подумал и восстановил справедливость, плеснув себе ещё.

Коньяк, до того напоминавший о себе лишь жжением в пустом желудке (не ели-то они с самого утра), внезапно ударил в голову. Кирилл вежливо кашлянул, проверяя, театральная пауза у друга или он уже закончил. Антон посмотрел с интересом, выйдя из образа. Значит, закончил.

– Вообще-то, мне, конечно, Блок больше нравится... – как будто извиняясь, пролепетал захмелевший Кирилл.

– Ну конечно! – ухмыльнулся Антон. – Именно поэтому ты трясся, как осиновый лист, сегодня весь день.

– А ты, можно подумать, нет?! – Кирилл обиделся искренне, хотя Антон рассмеялся и похлопал дружески его по плечу. – С самого начала, когда только идею я озвучил, это была просто фантазия! А теперь это – статья, понимаешь?!

На слове «статья» он так активно кивнул в сторону друга, будто собирался врезать ему лбом в подбородок.

– Какая статья? – Антон развёл руки, как на досмотре в аэропорту. – За хищение в особо крупном идеологическом размере?

Шутка ему понравилась первому, и парень залился звонким, счастливым и беззаботным смехом. Кирилл с удовольствием подхватил.

– Ну серьёзно, – отсмеявшись, добавил Антон, – за что статью, какие ценности, какая стоимость? Максимум – это хулиганство. Мелкое.

Он откинулся на кровать, довольный собой, произвольным движением ноги запнул футляр с Лениным подальше в подкроватную пыль, скопившуюся за пару месяцев без генеральной.

Пахнуло лёгким сладковато-пряным ароматом. Может, от бальзамирующих веществ, пропитавших мумию. А может, и от остатков анаши под нехитрым двойным дном ящика. Её когда-то возили из родной Киргизии те самые знакомые музыканты, так и не покорившие Москву ни музыкой, ни наркотиками, и распродавшие по такому случаю последние вещи.

– Пятнадцать суток, Кирюха, я считаю, – продолжил меж тем Антон, – это вполне здравый риск и разумная плата, когда на весах с другой стороны такие возможности!

– Мда... – Кирилл полуобернулся к столу, облокотился об него локтем и положил голову на слегка сжатый кулак. В этой позе роденовского мыслителя было очень удобно созерцать остатки в бутылке, размышляя о перспективах, чем Кирилл немедленно и занялся.

– Иногда и правда стоит топить Россию Блока, все эти нюни! – внезапно посерьёзнев, сказал Антон. – Большие дела требуют больших жертв и решимости.

«Ничего себе его торкнуло!» – про себя удивился Кирилл.

– Давай лучше допьём, а то я нить теряю, – продолжил он.

Посмеялись, допили. Вечер заканчивался неплохо. Тревожила, правда, ещё пара проблем.

Во-первых, надо было решать вопрос с мозгом. Денег осталось только на один билет до Питера и обратно. Там содержимое головы Ильича хранилось в склянке в Институте мозга среди прочих мозгов выдающихся россиян. Решили, что поедет Антон. Заодно и с родителями встретится. Кроме того, он уже нашёл подрабатывающего в институте знакомого парня, что

учился с ним в одной школе, класса на два младше. Дело обещало быть лёгким: ни охраны толком, никакого режима секретности, обычная разруха научных учреждений.

– Сердце же ещё было... – уже расправляя свою постель, заметил Кирилл.

– Да кому оно нужно, это сердце? Даже непонятно, где оно хранится, – отмахнулся Антон. – К тому же сердце сейчас чисто теоретически можно вырастить из стволовых клеток. Это же мышца, не более.

Ленин, пересыпанный пылью от киргизской анаши, продолжал источать тонкий аромат. Парней клонило в сон.

У отца Всеволода, в миру Петра Севостьянова, надо признать, с детства была каша в голове. Нет, он не был дурачком, наоборот, мальчик способный к науке, но с мышлением нестандартным. Ему бы в физику или астрономию, сейчас бы чёрные дыры изучал с большим успехом. Как раз и папа был физик; мальчик родился в Новосибирске, детство и юность прошли в Академгородке. Казалось, всё на роду написано. Но нет, Петя проявлял склонность к гуманитарным дисциплинам. И книжки читал всё более и более странные по мере взросления. К старшим классам уже научился определять признаки масонских заговоров в текстах любого содержания, от классической литературы до пропагандистских статей.

Как-то в гости пожаловала Петькина прабабка. Было подозрение, что приехала умереть в тепле да заботе. Но, заметив успехи молодого Севостьянова в изучении религиозных текстов (а к тому времени Петя наизусть знал «Откровение» Иоанна Богослова), бабка планы поменяла, и жизнь к ней вернулась. Заодно появилась невесть откуда взявшаяся миссия – наставить парня на истинный путь.

Под напором прабабки Петя нашёл призвание, хотя и с оговорками. Но оговорки эти научился оставлять при себе.

Благо за чистотой помыслов жителей Академгородка в те годы всё ещё пристально следили люди в штатском. Потому сектантов не подпускали к нестабильным учёным умам на пушечный выстрел. А то бы точно быть Петру Севостьянову сейчас продвинутым адептом каких-нибудь «Свидетелей судного дня».

За одним не могли уследить ни люди в штатском, ни папа, ни мама: когда отпрыски других учёных штурмовали мехмат да физфак, Севостьянов тоже поехал в Москву. Не доехал всего-то пятьдесят километров. Тихонечко, без шума поступил в Загорске в духовную семинарию. После чего отправил домой краткую телеграмму с благой вестью.

Маму отпаивали валокордином неделю, папа самостоятельно лечился коньяком. А прабабка на радостях укатила обратно в свою деревню, где через несколько дней, с осознанием выполненной миссии, благополучно умерла во сне без всяких физических и духовных страданий.

Ближе к окончанию учёбы в семинарии случилась с тогда ещё Петром мистическая, как он считал, история. Поспорили жутко с семинаристами на тему грядущих конца света и судного дня. Долго спорили и вдохновенно, не так, как мужики на кухне препираются о политике за бутылочкой-другой, а с цитатами из Писания, Отцов церкви и апокрифических источников. Но дело всё равно чуть до драки не дошло. Семинарист Севостьянов убеждён был, что конец веков наступит вот-вот в виде глобального ядерного катаклизма. А предвестником считал пришедшего недавно к власти Горбачёва с его новомодными идеями и претензиями на всеобщую любовь.

– Чистый же Антихрист! – с блеском в глазах кричал Пётр в пылу спора своим оппонентам. – Даже и отмечен он дьявольской печатью!

Те не соглашались. Родимое пятно за печать не признавали и в ядерную войну не верили. Рассорились, в общем, в дым.

Тем не менее аргументов хитросплетённых Пётр привел столько, что, хоть и не убедил никого, но в сомнения вверг. До ночи они молились истово и свечи жгли. А ночью случился страшный пожар. Все спорщики, кроме Пети, разобидевшегося и ушедшего спать к друзьям, погибли в огне.

Пётр каялся долго, страдал, пытался найти знаки в этом страшном событии, в конце концов отчаялся и перед поступлением в духовную академию принял постриг. Нарекли его Всеволодом в ознаменование начала новой, равноангельской жизни.

Конца света так и не случилось, и успешно окончивший академию иеромонах Всеволод отправился служить в родной Новосибирск. Впрочем, и в новой, монашеской жизни бывший Петя Севостьянов от вольнодумства не отказался. Служба под началом старших чинов его тяготила.

Вскоре нашёл он трицу жаждущих покаяния и прощения грехов бандитов (а годы шли уже девяностые, такого добра в России было завались) и на их пожертвования возвёл церковь в посёлке городского типа Знаменский, где прихода не было ещё со времён революции. Там и остался. Новосибирская митрополия была не против, а если честно, то и обрадовалась.

Храм нарекли именем святой Прокулы, и тут сказалась давняя страсть Пети Севостьянова к оригинальности. Никто в митрополии вспомнить не мог, чтобы церкви где-то носили имя супруги Понтия Пилата, но кто же запретит? Святая есть святая, она же и сон про Иисуса видела, и мужа своего от казни отговаривала. Возражать не стали, к тому же иеромонах спокойный всё подальше.

Отец Всеволод служил в церквушке двадцать лет, всеми позабытый, безо всякой карьеры. Поначалу проповедовал он осторожно, как-никак, а паства была никем не окормляемая чуть не столетие. Но постепенно вошёл в раж. Верил отец Всеволод искренне и в предсказания Нострадамуса, которые сам и трактовал, и в календарь майя, и в планету Нибиру – во всё, что сулило скорое избавление от грехов мира. Сложно сказать, откуда взялась в нём эта одержимость предстоящим концом света, никаких психологических травм в детстве вроде не было. Но умом он был настолько блестящ, знаниями энциклопедичен, а речами убедителен, что со временем к нему на проповеди апокалиптические в большинстве своём потянулись православные со всего района. Даже из сёл, где церкви были старые и священники не полные дураки.

На отца Всеволода регулярно шли жалобы и анонимки в митрополию, но в ответ было глухое молчание. Переспорить «одержимого», как его давно за глаза звало новосибирское высокопоставленное духовенство, было практически невозможно. Монашеские обеты он блюл безукоризненно, в связи с чем был не только незапятнан, но ещё и обладал кучей свободного от грешных дел временем, которое посвящал целиком теологическому и не только образованию.

К тому же сектанты всякие да проповедники различных традиционных конфессий обходили Знаменский район стороной – такова была сила снисканных иеромонахом Всеволодом авторитета и народной любви.

В общем, всё было не сказать, что контролируемо, но стабильно и предсказуемо. Пока отец Всеволод, одним из первых в Знаменском освоивший всемирную сеть, не увидел в ней хит, созданный двумя пареньками из Москвы – сайт живого Ленина.

С момента инцидента на Красной площади прошла неделя. Более двухсот человек обратились за медицинской помощью, требовали компенсаций. Жаловались в основном на психический шок, отравление газами, головную боль, нервные срывы, ушибы и ссадины. Были мужчины с перегаром и сломанными где-то носами, женщины с попорченной в давке одеждой.

Одна даже принесла сразу два норковых манто: одно – порванное, другое – точёное молью. Самая экзотичная травма была зафиксирована в поликлинике №2: мужчина обратился с исцарапанной спиной. Компенсации, правда, не требовал, только справку для жены.

Шум, вызванный кражей тела Ленина, стоял несусветный, первые пару дней исключительно в российских СМИ да соцсетях, а к концу недели уже и по всему миру. Появились и свидетели, описывавшие нападение целого отряда боевиков, и комментарии представителей Федеральной службы охраны, опровергавших свидетелей и демонстрирующих записи с камер видеонаблюдения, и огромные простыни бывалых аналитиков в серьёзных газетах, подвергавших сомнению версии и свидетелей, и ФСОшников. В причастности к похищению подозревались кавказские боевики, решившиеся таки, спустя почти столетие, отомстить коммунистам; американские агенты, захотевшие вбить клин между разными слоями российского общества; либералы, отчаявшиеся ждать, когда символ коммунизма вынесут из Мавзолея; православные активисты с той же целью, но другой мотивацией – предать тело земле; и, наконец, власти, «что-то задумавшие» – детальная проработка этой идеи не клеилась, потому что намерения властей принято было описывать туманными формулировками, чтобы эти власти всерьёз не обидеть. Были, конечно, и совсем оригинальные версии, но до серьёзных масс-медиа они не добрались.

Сумел отличиться разве что один российский телеканал, пригласил в эфир пару академиков, на старости лет ставших верными рериховцами. Они уверяли, что за Лениным явились его давние почитатели из Шамбалы, те самые Учителя, что прислали в 1926 году через Николая Рериха письмо советским властям и землю на могилу «брата нашего Махатмы Ленина».

Ближе всех к истине, как ни удивительно, подобались не британские или американские хваленые репортёры, а своя старая добрая и жёлтая в меру газета. Её журналисты, перебрав за неделю все вероятные версии и всех возможных экспертов, к самому важному итоговому выпуску, еженедельной «толстухе», остались без нового поворота темы. Маячил провал продаж номера и последующий крупный скандал в редакции. Поднапряглись. И тут, неожиданная удача, нашёлся не тронутый конкурентами и неизвестный широкому кругу эксперт со свежим взглядом. Даже и не эксперт вовсе, так, философ. Выглядел он неважнецки, то есть самое то для облика солидного учёного. Но редактор не удовлетворился этим и заставил дизайнеров увеличить лысину, добавить морщин и седины в чахлую бородку для солидности. «Теперь точно академик! – радовался главред. – На первую полосу!»

И вот впервые за несколько последних лет первую полосу газеты украсила не какая-нибудь доморощенная звезда, а дядька со взглядом, затуманенным поиском смысла жизни. Заголовок гласил: «Ленина выкрали, чтобы воскресить!» Подозреваемые – коммунисты. Это был действительно новый поворот, на «красных» как раз никто и не думал, наоборот, выглядели они и так и эдак пострадавшей стороной.

Но доцент кафедры истории русской философии МГУ популярно рассказал про учение Николая Фёдорова, русский космизм, большевистскую тайную религию. А нынче и момент настал подходящий: некоторые светила биоинженерии вполне готовы уже, по слухам, воссоздавать жизнь из, казалось бы, мертвее мёртвого материала. Никаких светил доцент поимённо не назвал, но всколыхнувшаяся новая волна массовой истерии по поводу похищенной мумии заставила активно шевелиться уже и ФСБ.

На гребне ажиотажа на допрос вызвали ведущего биоинженера страны, профессора МГУ, академика Илью Ивановича Подирова. Перед зданием спецслужбы его встретила громадная толпа журналистов с камерами, вспышками, микрофонами на штангах, словно заокеанскую звезду. Илья Иванович столько стресса за всю жизнь не испытывал. А пока он терпеливо разъяснял следователям азы науки, в его московской квартире устроили обыск, в первую очередь, чтобы успокоить распоясавшееся общественное мнение. Подиров узнал, обиделся. Ну не то что обиделся, а стало ему неприятно, что в его вещах копаются да ещё и на камеры всё снимают. Оказалось, что, несмотря на малый административный вес (учёный всю жизнь

чурался важных должностей), у академика обширные связи. Он позвонил другу президента, некогда спасённому от верной смерти благодаря его разработкам, попросил, чтобы службы из трёх букв его больше не беспокоили. Уже назавтра были уволены следователь, проводивший обыск, и заодно два редактора крупных СМИ, чьи журналисты каким-то образом оказались приглашены в качестве понятых.

Подирова тут же оставили в покое. Ни у одного журналиста не поднималась больше рука позвонить знакомым силовикам и попросить информацию о нём. А упоминания о выдающихся успехах академика в связи с «ленинской историей» остались только в самых заштатных интернет-изданиях, до которых просто дела никому не было.

Народ тем временем беспокоился. Версия с воскрешением быстро заняла умы масс, жаждущих чудесных событий и сакральных тайн. И всё бы ничего, меньше про повышение пенсий и зарплат бубнить будут, но люди стали какими-то буйными. Пикантная смесь теории о возможности воскрешения научным способом и личности воскрешаемого обернулась взрывоопасной ересью. Пресса эту смесь, естественно, радостно подогревала, исключив из описательной и доказательной части упоминания об академике Подирове. Так даже лучше получалось, безлично, страшно и захватывающе, аж ладони потели у авторов от возбуждения, когда набирали очередные тексты. Прогнозы в основном были мрачные, иногда разбавляемые утопическими картинками будущего, когда Ильич вновь путь озарит. Народ читал и смотрел всё, тиражи и рейтинги били рекорды времён перестройки, владельцы СМИ не могли нарадоваться, типографии захлёбывались в заказах, потребление электроэнергии во время выпусков новостей возрастало, в Москву потянулся утроенный поток туристов... Долго это продолжаться не могло. Все ждали развязки, и все – с разными опасениями. Одним только властям, кажется, хотелось поскорее найти эту мумию и упрятать её обратно в Мавзолей.

Покров тайны с истории сдёрнули сами похитители. Интрига при этом только сильнее закрутилась. Два парня в чёрных пуховиках по самые глаза и вязаных шапочках, в образе, в котором они уже были знакомы всему миру благодаря кадрам с камер видеонаблюдения, обратились к общественности посредством ролика, выложенного в Интернете.

Фоном служила плохо отглаженная чёрная ткань. Похитители сидели на стульях, между ними – в почти вертикальном положении огромный открытый футляр с телом Ленина. Один из парней, более крупный, держал на коленях склянку с мозгом внутри.

Говорили по-английски, пустив на русском титры. Понятно было, что славы хотят по всему миру. Ленивые англоязычные обыватели привыкли получать информацию легко, а русские и так заинтересованы, прочтут. Голоса были изменены компьютерной программой, но русский акцент улавливался легко, до того иногда, что титры не соответствовали провозглашаемому тексту.

– Мы являемся похитителями тела Владимира Ильича Ленина из Мавзолея на Красной площади, – начал крупный.

– Мы устали от торжества империализма в нашем слове, – голос мелкого дрожал, и произношение от того хромало.

– Мы получили также и мозг великого вождя, – крупный приподнял банку, – это нам необходимо для дальнейшего процесса. При этом никто его пропажи из Института мозга даже не заметил, мы внимательно следим за прессой.

– Мы владеем технологией регенерации продавать, – опять соврал мелкий, – даже если от этой продавать осталась одна молекула ДНК.

– Клетки, – поправил крупный.

– Да, продавать, – согласился мелкий.

– Мы возродим Владимира Ильича! – продолжил крупный. – Это было предсказано ещё в начале двадцатого века великим русским философом Николаем Фёдоровым. Мы начинаем этот процесс победы человечества над смертью безо всяких религиозных и магических штук. Это – торжество человеческого разума!

Ролик стал настоящим событием – сотни тысяч просмотров ежедневно. Власти отреагировали нервно, заявив, что расследованием теперь займётся Федеральная служба безопасности и что вообще ничем хорошим это для похитителей не закончится. После чего парни в пуховиках на время пропали из сети, не давая возбуждённой публике никаких новых поводов посплетаться в мудрости комментариев, а спецслужбам – зацепок для расследования.

Глава IV

До летних каникул было далеко, всё ещё надо было ходить на занятия и самим пары вести; ни аспирантскую нагрузку, ни «общественную» (старших преподавателей замещать) никто не отменял.

Антон и Кирилл шагали к зданию МГУ на бывших Ленинских горах. Приехали на метро, хотя раньше старались – на такси, пусть от ближайшей к универу станции, – это впечатляло юных студенток. Но теперь не до шика. Деньги потрачены, приходится экономить даже на презервативах. К чему студентки? Из кухни – одна быстрорастворимая лапша, зато планов громадьё.

На ступенях перед зданием толклись группки студентов, разговаривали, курили. Хаотично мельтешили люди. Кто-то шёл в университет, кто-то оттуда, кто-то бежал к кучкующимся товарищам. Всё как обычно вроде, но... Одежда! Точно, одежда – вот что было не так. Среди разношёрстной студенческой толпы иногда мелькали молодые люди и девушки, у которых из-под курток выглядывали белые футболки с красным изображением Ленина в стиле всем надоевших давно портретов Че. Но теперь и с бородой, и с лысиной вместо красной беретки со звездой. Стильно.

В центре толпы студентов предприимчивый паренёк демонстрировал молодёжи бордовый бархатный кусок материи с прикреплёнными к нему разномастными значками с изображением Ленина. Все окружающие были рады и возбуждены, торговались, покупали. Октябрьский значок с малышом-Ильичём уходил по цене пяти бургеров. Знали бы папы и мамы этих студентов, какие ценности в своё время выбрасывали...

Впервые за последние дни, выбравшись из своей берлоги, Антон с Кириллом, кажется, попали в немного другой мир.

Навстречу шёл однокурсник, Серёга Журавлёв, известный укурыйш. Каким-то чудом окончил универ, а теперь тут же подвизался не по специальности сисадмином. Судя по всему, он был всё так же перманентно счастлив.

Серёга одним пальцем держал закинута за спину рюкзак со своими проводами, из-под расстёгнутой куртки виднелась футболка с огромным, во весь корпус, красным портретом Ленина по последней моде. Он заметил парней издали, и шансов уклониться от встречи с ним уже не было.

– Здорово, пацаны! – Журавлёв протянул как всегда грязную ладонь пальцами вверх, желая, видимо, обнять их. Деваться было некуда, раз заметил. Пришлось обниматься.

Антон ткнул пальцем в живот бывшего однокашника, попав аккурат в бородку Ильича.

– А это что ещё за модернизм?

Кирилл стоял, всё ещё недовольно потирая, будто стараясь стереть грязь, шею, за которую его только что обнимал Серёга.

– Да я бы сказал соцреализм!

Парни улыбнулись, но довольно натянуто, до сих пор пребывая в некоем культурном шоке.

Серёга сделал круглые глаза. Бывший барнаулец внезапно запел «по-московски», противно растягивая «а»:

– Да вы чё, пацаны? Вся Москва так ходит сейчас, это же фишка сезона, вы чё?

При этом он умудрился презрительно окинуть взором однокурсников с головы до ног. После такого взгляда оставалось только густо покраснеть или сбежать от стыда.

– Вы только из своих деревень, что ль, вернулись? – Серёга хмыкнул, довольный собственной шуткой. – Ща тема такая, Ленина скоммуниздили из Мавзолея, гы, – удовлетворённый своим интеллектуальным превосходством и красноречием, он дебилно гоготнул. – Про это вы хоть слышали?

Антон и Кирилл одновременно кивнули.

Журавлёв не унимался, но это сейчас было весьма кстати. Не расспрашивать же всех вокруг.

– Все тащатся по этой теме. Слух прошёл... – неожиданно он перешёл на разговор вполголоса, слегка наклонившись корпусом к собеседникам. – Говорят, что его коммуняки уже клонировали или чё там, короче, воскресили типа. Власти пытаются это дело замять, замолчать, но народ уже волнуется.

Друзья переглянулись, затем одновременно повернули головы к Серёге, всем своим видом выражая внимание.

– А вы чё, реально, что ли, не в курсе? Все же про это только и говорят! А эти, кто его, ну Ленина срисовал, ролик выложили. Вы зайдите, гляньте, там всё сказано. Какой-то чувак предсказывал, что Ленина воскресят, – Серёга сморщился, пытаясь вспомнить научные подробности, – и всех коммуняк, которых специально для этого замариновали... и мозги их. Вот, короче.

Он облегчённо вздохнул, выдав всю информацию, накопившуюся в его мозгу, словно сдал экзамен. Покровительственно посмотрел на Кирилла с Антоном и решил резюмировать столь длинную речь:

– Вот все и прутся, мода на Ленина пошла.

К Серёге вернулось его обычное, слегка идиотское выражение лица с довольной улыбкой; он взялся обеими руками за футболку и растянул её, демонстрируя портрет.

– Зацените, какая тема.

Похитители тела вождя одобрительно кивнули и, не прощаясь, двинулись дальше, активно крутя головами, чтобы разглядеть всех вокруг.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что чуть ли не каждый третий ходит либо в майке с Лениным, либо со значком.

– Кирюха, я чёга не понял. Может, ты где написал в комментарях, что мы его уже воскресили? – Антон заговорил несвойственным ему неуверенным тоном.

Кирилл развёл руками и молча помотал головой, демонстрируя полное неведение.

– Да вообще ничего. Это сила народного домысливания. Ты сказал «а», а народ уже алфавит дописывает. Надо спешить нам, я думаю, пока за нас всё интересное не расписали.

Парни засмеялись, но внезапно голос Антона оборвался, он тут же потерял интерес ко всему происходящему. Взгляд его куда-то упёрся, Кирилл проследил за ним и тоже застыл. Лица друзей переменились с революционно-дерзких на слащаво-приторные. Одновременно они протянули:

– Катя!

Через полчаса все трое сидели в кафе: Кирилл, Антон и Катя Солнцева, студентка философского факультета, двадцатилетняя девушка совершенно ангельского, неиспорченного вида. Парни застыли в одинаковых созерцательных позах, подперев кулаками щёки.

Катя в полной тишине увлечённо поела мороженое, заказанное аспирантами на сэкономленные на презервативах деньги, и периодически вопросительно окидывала друзей из-под русой чёлки своим пронзительно-синим взглядом.

Познакомились они пару лет назад, когда ребята ещё сами были студентами, на каком-то университетском мероприятии. Антон пытался приударить по привычке, но как-то сами собой отношения сразу перешли в дружеские. Катя была сиротой. По крайней мере, это было общее мнение. Сама она не любила «за жизнь» поболтать. Известно было лишь, что воспитывалась она дедом, то ли родным, то ли опекуном. И был тот дед какой-то весьма влиятельной, опять же по слухам, персоной. Но на самом деле ни её родителей, ни деда, ни кого-либо вообще из родных никто никогда в глаза не видел и ничего о них не знал. Катя же была образована прекрасно, воспитана на редкость, и к тому же имела собственную квартиру в центре Москвы, хотя была явно не из «золотой молодёжи» – никогда не шиковала, жила очень скромно. Девушка-загадка, одним словом.

Кирилл, внезапно проявив большую решительность, чем Антон, начал разговор:

– Я... – он споткнулся, замялся, покосился на друга, который также искоса и недовольно глянул на него. – Мы то есть. Вот почему мы пригласили тебя: дело есть.

– У, дело, – удивлённо мурлыкнула Катя, отправляя очередную ложку мороженого в рот. Её глаза игриво блеснули сапфировыми искорками.

– Ты же слышала всю эту историю с телом и мозгом Ленина? – осторожно поинтересовался Кирилл.

– Ну да, конечно, слышала, – Катя утвердительно кивнула по очереди обоим парням, чтобы, видимо, никого не обидеть.

Она отодвинула от себя уже пустую креманку из-под мороженого и очень эротично, но явно не думая об этом, облизнула губы. Поймав на себе плотоядный взгляд Антона, девушка смутилась и опустила глаза.

– И какое дело-то ко мне в связи с этим грандиозным фокусом? – всё ещё смущаясь, буркнула она, глянув исподлобья.

Кирилл откинулся на спинку стула, недоуменно изогнул брови.

– А почему же фокус?

– Потому что это надувательство, мистификация, трюк! – уверенно ответила красавица.

Кирилл многозначительно посмотрел на Антона, тот лишь пожал плечами.

Катя, заметив странное и неуверенное поведение парней, перешла в наступление, мягко, но менторски обращаясь к ним голосом журищей своих несмышлёных детей матери.

– Мальчики, вы что попали под влияние пропагандистской машины, как и все вокруг?

Поочередно наградив строгим оценивающим взглядом парней, Катя убедилась в необходимости просветительской лекции.

– Это же явно очередная уловка властей. Чтобы отвлечь народ от дурных мыслей о коррупции и высоких ценах, они подбросили сенсацию: нате, ешьте, кромсайте и терзайте её по своим углам и кухням!

Катя говорила ровно, без обычных для такого рода откровений истеричных ноток.

«Господи, ну что же мужики такие инфантильные пошли? И эти туда же!» – другого она и подумать не могла про своих дружков; они слушали её, едва сдерживая расплзающиеся по лицам улыбки.

Катя сердито и очень трогательно насупилась, потянулась к чашке кофе. Кажется, её не воспринимали всерьёз. И, хотя и не ею был разговор затеян, сейчас она уже считала делом чести просветить этих сексистов и мужланов, вечно считающих себя умнее женщин. К кофе

она так и не притронулась, взяла с блюда ложечку и, потрясая ею, как указкой, вновь обратилась к парням:

– Вот увидите, сейчас все натешатся, наобсуждаются; за это время правительство пропихнёт какой-нибудь очередной антинародный закон, или какого-нибудь зарвавшегося олигарха осудят, и всё. Всё забудется. Как будто ничего и не было.

Воинственно брякнув ложечкой, девушка стала пить кофе.

Кирилл улыбнулся, умильно глядя на неё. Катя подняла глаза, улыбнулась в ответ. Антон заёрзал, обернулся к Кириллу и довольно агрессивно спросил.

– Так ты чего сказать-то хотел, гений интернетный?

Кирилл поморщился. Но заговорил умиротворяющим тоном.

– Катя, нам всё равно до подоплёки, до правительства, до последствий. Мы хотим моментом воспользоваться, свою игру, скажем так, начать.

Катя удивлённо подняла глаза.

– Игру? Ну-ну, интересно.

Кирилл засиял, подался всем телом навстречу ей, практически лёг грудью на стол и с жаром заговорил:

– Понимаешь, сейчас эта тема интересна всему миру, внимание приковано к этим похитителям... – он слегка замялся, с опаской взглянув на Катю. – Ну... всё равно кто это и какие у них цели, это не важно. Они испугались реакции властей и пропали, а ажиотаж не угасает вокруг этого всего.

Кирилл замолчал, оценивающе глядя на Катю. Она кивнула в ответ, показав, что ждёт продолжения.

– И мы с Антоном решили эту ситуацию использовать в своих целях, снять, так сказать, сливки с этого молока. Такой шанс редко даётся. Если подать грамотную идею, можно прогреть, запомниться. Может быть, даже какой-то свой проект замутить. Причём раскрутить его почти мгновенно.

Кирилл откинулся на спинку стула, оценивающе и выжидающе глядя на девушку.

– А дальше ведь уже дело техники. Главное имя создать себе, ресурсу. А потом просто поддерживать интерес, развивать проект.

Катя поставила чашку на блюдо. Помолчала, глядя куда-то в сторону. Затем посмотрела Кириллу в глаза несколько дольше, чем того требуют приличия.

– Это может быть интересно. Но я не пойму, о чём конкретно речь? Создать форум с обсуждениями судьбы невинно забальзамированного вождя и его сифилитического мозга? Флэш-игрушку сделать «Закопай Ильича»?

Катя ухмыльнулась, потом повернула голову на бок, прикусила нижнюю губу и кокетливо, но в то же время иронично спросила:

– Кирилл, а я-то здесь вообще при чём, и почему вы ко мне именно с этими идеями обратились?

Антон был похож на закипающий чайник, ёрзал беспрестанно, вращал глазами и готов был вот-вот издать свист. Ему явно не нравилось быть на вторых ролях, а уж тем более, когда речь шла об общении с такой приятной особой.

– Вообще-то не было у него никакого сифилиса, это поздняя белогвардейская пропаганда, – буквально себе под нос недовольно пробурчал он, решив продемонстрировать знание предмета, – у них и доступа-то не было ни к каким экспертизам.

Экскурс остался никем не замеченным отчасти из-за невнятности подачи, отчасти из-за явной сосредоточенности двух других собеседников друг на друге.

Кирилл снова подался телом в сторону Кати, подпёр голову руками и зовуще пропел:

– Катя.

Он смотрел на неё долго и нежно, явно переборщив с паузой, гладил взглядом её лицо, шею, волосы. И, не меняя интонации, вдруг выдал:

– Мы хотим, чтобы ты стала Лениным.

Катя картинно поперхнулась. И без того большие глаза стали похожи на блюдца и, кажется, начали отливать фиолетовым. Она ткнула себя в грудь мраморным пальчиком с аккуратным маникюром и протянула:

– Я-а-а? Лениным?

Кирилл заулыбался, продолжая, что было ему несвойственно, нескромно рассматривать девушку.

Антон же устал закипать, сменил тактику: опёрся локтем о стол и активно изображал скучающе-пренебрежительный вид, ожидая, чем всё это закончится.

– Нужен человек, разбирающийся в политологии и философии. Во-первых, ты единственная, кого мы знаем с философского факультета, – Кирилл виновато улыбнулся, аргумент получился грубоватым. Поспешил исправиться. – Во-вторых, и в главных, ты умная. Ты начитанная. Ты владеешь нужными знаниями. Ты единственная, кто может справиться!

Катя комплимент оценила, бросив кокетливый взгляд.

Кирилл вальяжно развалился на стуле, закинул ногу на ногу, почувствовав себя хозяином положения. Он раскрыл было рот, чтобы продолжить, как внезапно подал голос Антон:

– Мы хотим Ленина воскресить.

Катины брови поползли куда-то по направлению к макушке. Антон своего добился. Бросив всего одну фразу, он всё кирилловское щебетание затмил в момент.

Но соперник не сдавался. Не дав другу продолжить, он заговорил быстрее, спеша рассказать как можно больше, пока его опять не прервут:

– Мы создадим сайт от имени учёных, воскресивших Ленина. И там представим Ленина публике. Будем выкладывать его обращения, его комментарии к новостям в мире, это будет сенсация, это будет гиперпроект! Даже после того, как...

Тут Кирилл запнулся, глаза забегали, но Катя не обратила на это внимания, она была увлечена выстроенными им воздушными замками.

– Как вся эта история затихнет. Создатели такого громкого проекта, то есть мы трое, – Кирилл обвёл руками присутствующих, – мы останемся людьми, которые сделали сенсацию, ньюсмейкерами своего рода.

Он победно посмотрел на Катю. И спокойно, не терпящим возражений голосом произнес:

– А Лениным – его устами, глазами, ушами – будешь ты.

– Сто тысяч просмотров в первый же день! – Антон оттолкнулся от стола и проехал в кресле до самого рабочего места Кирилла, в глазах его горел пионерский огонь. – Сто тысяч! За день! Для новорождённого сайта! Ты понимаешь, что это?

– Что? – буркнул Кирилл, погружённый в модерацию комментариев.

– Что-то когда под миллион в день на Ютубе было, ты радовался, а теперь тебя цифра не впечатляет? – Антон горячился. – Ты понимаешь, что сто тысяч за день для сайта, где практически ничего нет, ролик старый уже, да заявления эти околонуточные – это нереальная цифра, это золотое дно?!

– И что мы в итоге делать будем со всем этим? – недовольно перебил Антона Кирилл.

Тот обомлел.

– В смысле – что будем делать? Разве мы не этого хотели? Мы же за считанные дни в Интернете целую революцию замутили, люди годами такого добиться не могут, ты что?

– Да я не про это. Вон с этим... – Кирилл кивнул на кровать, под которой всё ещё валялся в пыли футляр с Лениным, потом перевёл взгляд на стол, за которым иногда приходилось завтракать, глядя на маринованные мозги. – Что мы делать будем, Антоха? Мне как-то не по кайфу в одной комнате с трупом спать. Тем более в страхе, что завтра за нами придут, и вот они, все улики тут уже подшиты. Ты посмотри: все каналы, все сайты только про это и говорят. Делом за терроризм там пахнет уже, а не за хулиганство, как ты обещал. ФСБ хулиганством не занимается. Катю ещё впутали...

Антон сначала ухмыльнулся, потом начал говорить, на ходу распаяясь:

– Да брось ты. Что ты всё время ссышь? На площади, перед камерой, сейчас! С таким подходом к жизни ничего у нас не будет никогда, будем пробирки где-нибудь в лаборатории переставлять с места на место! – он не на шутку уже завёлся, глаза зажглись праведным огнём. – Да всё мы разрулим, вернём всё!

На секунду задумавшись, Антон продолжил, уже более спокойно, даже меланхолично:

– Ну или похороним. Тоже многие благодарны будут, даже власти – не надо с коммунистами бодаться. Типа такой гражданский поступок. За такое не сажают.

Антон на пару секунд задумался, словно споря сам с собою, посадят-таки или нет. Выглядел грустным, видимо, чаша обстоятельств склонилась в сторону бесплатного жилья с решётками на окнах. Тем не менее он глубоко вдохнул и, натянув на лицо улыбку, продолжил:

– Решим, когда время настанет. Но сначала сполна плоды пожнём. Вот увидишь, нам ещё весь наш факультет, да что там, весь универ спасибо скажет.

– За что? – с явным скепсисом в голосе спросил Кирилл.

– Да мы же раскрутим не только себя, когда раскроемся, мы же и МГУ пропиарим – какие креативные ребята учатся! – Антон был убедителен так же, как в беседе с юными барышнями, сомневающимися насчёт постели. – Да многие вообще не слышали, что факультет биоинженерии существует. Карты в итоге раскроем, и всё! Дескать, как сейчас модно – перформанс! А пока внимание к нам приковано будет, заработаем сами, потом дадим заработать факультету.

Антон запнулся, осознавая, что совсем заврался. Слегка покраснел и, снизив эмоции, продолжил:

– Ты прикинь, мы старику генный материал чуток оставим. Отковырнём, никто не заметит. Да Подилов удушится же за эти волоски или кожу, за мозг тем более. Когда бы кто ему дал это для экспериментов? Семь кругов бумажного ада надо пройти. Он нас выручит, вот увидишь. Учёный с мировым именем – это серьёзный человек.

Антон насупил брови, чтобы наглядно продемонстрировать, насколько значимое лицо академик Подилов.

Кирилл смотрел на это представление скептически, но заставлял себя в это всё верить. Другого-то выхода не было. Он громко вздохнул-выдохнул, словно выдувая из себя все оставшиеся сомнения:

– Если только так. Подилов, действительно, со связями.

Отвернулся снова к монитору, кликнул мышкой, открыв одно из окон.

– А знаешь, кого мы сейчас героизируем? Вот, читай, – повернул монитор в сторону Антона и, не дожидаясь, пока тот сконцентрирует взгляд на странице, начал читать сам. – «Миссия русской эмиграции», Иван Бунин. Между прочим, первый русский нобелевский лауреат по литературе! – сурово взглянув на друга, он вновь уткнулся в монитор. – «Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и всё-таки мир уже настолько сошёл с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет?»

Кирилл отстранился от монитора и даже оттолкнулся от стола, отъехав сантиметров десять назад на своём кресле, не теряя брезгливости физиономии.

- Ты этого человека хочешь сделать знаменем?
- Здра-а-асти! – Антон ехидно улыбнулся. – А не ты ли это всё придумал, дружок?
- Я придумал шутку, а ты уже сделал из неё трагедию.

– Ой-ой-ой! Какая высокая оценка! Я, бразер, её не заслуживаю! Ишь ты, интеллигенция хренова, как тот же Ленин говорил. Придумать атомную бомбу – одно, а убить сотню тысяч человек – другое? Что ты обеляешь себя? Ты уже совершил уголовное преступление, так тяни ляжку до конца, понял?

Кирилл понял. На самом деле уже давно, просто цеплялся за последние ниточки, и сам прекрасно это понимал. И Антон понимал. Страшно в 24 года с безупречной ранее репутацией ощутить себя уголовным преступником, вынужденным скрываться от властей. Эта романтика, как выяснилось, была Кириллу чужда. На щеках проступил румянец, он забормотал тихо, но отчётливо и быстро:

– Всё-таки лучше как-то спрыгнуть с этой темы с Мавзолеем. Типа не мы, не знаем, потом нашли или что-то там... – Кирилл схватился за голову, осознавая, какой бред несёт, но всё ещё пытаюсь найти выход. – Блин, не знаю. Короче, надо думать уже, как разрулить ситуацию.

Антон смотрел снисходительно и задумчиво: на его глазах друг взрослел. Он встал, похлопал Кирилла по плечу, прошёл дальше в прихожую, порылся в сумке. Вернулся с бутылкой японского виски.

– Серьёзно удалось сэкономить на регистрации сайта – гуляем!

Кирилл раскрыл рот и раскинул руки, словно крестьянин, увидевший тучку.

– У нас же это, считай, последние деньги были.

– Тебе-то что? Это мои родители прислали.

И, хотя Антон продолжал улыбаться, было вполне понятно, что это не смешно. Кирилл действительно позабыл, откуда берутся «общие деньги», в которых его стипендия и плата за академические часы составляли от силы треть. От стыда он выпил подряд две двойные порции.

Антон с бокалом в руке, красиво на четверть заполненным лучистым напитком, подошёл к банке с мозгом, ласково погладил её.

– Прикольно, я вместо ленинских мозги Мичурина чуть не зацепил! – он рассмеялся. – Вот бы лажанулись-то, типа гибрид хотим сделать, привить мичуринским способом интеллект к большевизму.

Кирилл чуть не захлебнулся своей порцией, прыснув вместе с другом. Антон, довольный разрядкой обстановки, продолжил:

– Операция «Вынос мозга»! Да там запутаться можно в этих банках. Можно было бы запросто наклейку с Ленина на Циолковского переклеить, вот бы они потом удивлялись, чего это вдруг у Ильича мозг так вырос.

Кирилл окончательно отошёл от грустных мыслей и смеялся от души.

Антон заглянул в его монитор.

– А что это за графики у тебя?

– Это не у меня, а у нас, – пояснил Кирилл. – Это по странам показатели посещений. Смотри: тридцать семь процентов – из России, двадцать пять – из Китая...

– Двадцать пять процентов, четверть? – Антон изменился в лице. – А из Штатов сколько?

– Одиннадцать процентов.

– Охренеть! – Антон был поражён искренне. – Это же куча бабок гипотетически! Это, получается, из сегодняшних ста тысяч – одиннадцать тысяч пиндосов и аж двадцать пять – китаёз?

– Ну да, – недоуменно ответил Кирилл. – И будет намного больше, учитывая, что сегодня только первый день и контента нового пока нет.

– А кто ещё заходит? – у Антона в глазах загорелись жёлтые огоньки.

– Да полно. Европа, Латинская Америка, Вьетнам, Корея, Ангола даже...

– Ангола?

– Да, там тоже местного диктатора забальзамировали кремлёвские специалисты. Правда, его в девяносто втором году захоронили по якобы просьбе семьи. Но для нынешних технологий это фигня полная, там почти всё целое.

– Интересно, а американцы зачем смотрят? – Антон ответ, конечно, предугадывал, но хотел укрепиться во мнении.

– Они смотрят и думают, куда бы там свою рекламу прилепить, – смеясь, пояснил Кирилл. – А то ты не знал?

– Знал. Вернее, именно этого и хотел, – Антон подмигнул. – А что, поставим банку «Колы» рядом с мозгами товагища (он картавил очень естественно, будто всю жизнь учился) Ульянова-Ленина? А? Срубим миллион?

Глава V

С момента громкого похищения прошло уже три недели. Дело шло к 22 апреля, дню рождения Владимира Ильича. Поначалу новость о краже тела коммунистического вождя и опытах по его оживлению многие приняли за первоапрельскую шутку. Но Кирилл с Антоном старательно и регулярно на своём сайте оповещали общественность о всё новых достижениях в деле воскрешения, обещали сюрприз как раз к третьей декаде апреля.

Теоретических знаний им пока явно не хватало, всё-таки первый год аспирантуры. Но, как показала практика, чем меньше муторных научных подробностей, тем достовернее. Причём даже для учёных мужей. Стоило парням пару раз допустить досадные ошибки в описаниях процессов по выращиванию недостающих внутренних органов, запуска процесса «оживления» и последующей регенерации тканей, поднялась волна критики и насмешек. Ну как волна... так, колебания в научной среде, которых в широких массах никто и не заметил.

Как только научились обходиться общими, но с использованием специальных терминов фразами типа «вчера удачно завершён опыт по выращиванию правой почки В.И. Ульянова (Ленина) на основе бесклеточного матрикса» или «успешно активированы иммобилизованные сигнальные белки – факторы роста в эпителиальных тканях тела В.И. Ульянова (Ленина)», стали получаться беспорные сенсации. Статьи со ссылками на их «работы» появились даже в сугубо научных изданиях, не говоря уже об обычных газетах и особенно интернет-изданиях и телевидении, вообще не склонных досконально проверять информацию или находить экспертов, способных аргументировано поставить её под сомнение.

Фактически все эти три недели едва ли не половина мировых СМИ жила за счёт пары бедных московских аспирантов. Им же пока ничего не доставалось, даже славы, ибо чем больше шуму создавалось, тем злее оказывалась власть, возбудившая уже несколько уголовных дел по разным статьям. В том числе и за подготовку террористического акта; якобы только нехватка материалов у преступников позволила избежать ужасных последствий. В «зачатке» следствие держало и завиральные заявления от двухсот «пострадавших».

Никто, конечно, всерьёз их террористами не считал, но чтобы дело двигалось быстрее и чтоб направить на его расследование лучшие силы, нужна была «тяжкая» статья – суровая правда жизни. Увы, откуда это было знать двум начинающим учёным? Обещанные Антоном пятнадцать суток оборачивались на поверку маячившими долгими годами «исправления» в холодных некомфортных условиях.

Так что пока ни о каком раскрытии личностей и купании в лучах славы и речи не могло идти, нужно было либо чьим-то покровительством заручиться, либо успеть заработать кучу денег и сбежать из страны. Хотя и с этим пока была загвоздка, поскольку не продуман был механизм привлечения рекламы и получения прибыли без риска быть тут же разоблачёнными и пойманными.

Был, впрочем, вариант всё прекратить, Ленина куда-нибудь подкинуть или вовсе закопать, сайт грохнуть, и дело с концом. Но процесс уже было не остановить никаким усилием воли и страхом наказания. Миллионные просмотры, всемирное цитирование – этот наркотик приучил их мозги к приятному кружению, а самомнение к росту. Парни уже были не согласны вернуться в нищую и казавшуюся теперь нестерпимо скучной аспирантскую жизнь.

Подходила дата рождения вождя. Всё было готово. Казалось бы, нажми кнопку и загрузи первое, по-настоящему суперсенсационное видео, но руки почему-то дрожали. Всю ночь на 21 апреля, перед «вторым рождением» их мумии, Кирилл не мог заснуть, ворочался, стонал. Терзало какое-то предчувствие нехорошее.

Утром сходил за водкой. Антон насмеялся над нерешительностью друга, но от утренней водки тоже, почему-то, отказываться не стал.

– Ну, с богом! – поднял очередную рюмку Антон, пытаюсь подвигнуть Кирилла, наконец, на действия.

– Что-то бог тут, сдаётся мне, как раз ни при чём, – скривился в ответ Кирилл, но выпил. Щёлкнул по клавише ввода, пошла загрузка.

В огромном пафосном зале заседаний Совета безопасности РФ в Сенатском дворце Кремля сидели всего шестеро мужчин, расположившись за гигантским столом поодаль от пустующего председательского президентского места, по трое напротив друг друга. Те, что сидели со стороны окон, прикрытых драпировкой грязно-жёлтого цвета, смотрели прямо перед собой, а другой троице пришлось расположиться вальяжнее, сдвинув стулья чуть в стороны и развернув их боком, ведь за их спинами, на одном из антикварных столиков вдоль стен, те, наари установили большой, как в футбольном кабаке, монитор.

Обстановка была сугубо рабочей, без излишней торжественности, что для столь грандиозного зала в не менее грандиозном здании – как-никак, резиденция президента – было большой редкостью. Один, судя по всему, главный, даже пиджак скинул и повесил его на спинку резного стула.

Место собрания было выбрано не случайно и не ими. Сам президент, желая подчеркнуть важность вопроса, но, не имея никаких пока оснований поднимать аппаратную панику своим личным присутствием, поручил секретарю Совета безопасности собрать в зале самых нужных для решения проблемы людей. Как членов Совбеза, так и их подчинённых, необходимых не для протокольного сидения перед камерами с протокольными же выражениями на лицах, как обычно в этом зале получается, а для реального разбора ситуации.

Если бы совещание было назначено в здании Совбеза в Ипатьевском переулке, все, кроме секретаря, сильно бы обиделись: никто его выше себя не считал, как-то так повелось. Ну а тут, в Кремле, наделённый президентским доверием, он ещё сможет покомандовать, а ситуация именно этого и требовала.

Секретарь Совбеза, пожилой лысоватый мужчина лет 60-ти, с небольшим животиком, но угадывающимися под рубашкой неплохими всё ещё мышцами, носил говорящую фамилию Прокуроров. Финт с пиджаком на спинке стула он сам и придумал. Не было ни жарко, ни душно, и мышцы свои под рубашкой он никому демонстрировать не собирался, тем более что и так иногда в бане встречались. Пиджак на спинке был преисполненным смысла символом. Он означал, что, во-первых, тут можно без кивков на протокол, чины и звания плодотворно и честно поработать, а во-вторых, что главный тут тот, кто позволил себе устанавливать дресс-код.

Алексей Владимирович Прокуроров собрал сегодня, 21 апреля: директора ФСБ и одного из его заместителей, курирующего борьбу с преступностью и терроризмом, министра внутрен-

них дел, начальника Главного разведывательного управления Минобороны (при этом президенту лично пришлось позвонить министру и объяснить, что ни его, ни начальника Генштаба присутствие пока, тьфу-тьфу-тьфу, не требуется) и слегка странноватого вида полного старичка, своей бесформенностью и всклокоченной седой шевелюрой резко выбивавшегося из компании этих подтянутых служаек.

«Придурок», как его сразу про себя, не сговариваясь и не обсуждая вслух, нарекли все присутствующие, был академиком, членом научного совета при Совбезе. Научный совет возглавлял по странному стечению обстоятельств тоже Алексей Владимирович. А почему бы и нет, он ведь какой-никакой, а доктор наук. Да и нельзя этих гражданских к серьёзным делам и должностям допускать – это была аксиома для всех в его окружении.

Пятеро за столом, разумеется, были генералами в званиях от генерал-майора до генерала армии, но в форме пришёл только один глава МВД. Ему недавно вручили новые генерал-полковничьи погоны, и по этому случаю министр из мундира теперь не вылезал. По слухам, даже дома в нём ходил.

Огромный монитор поставили зря. Он вполне соответствовал сверкавшему позолотой помещению, конечно, но вот качество просматриваемого видео оставляло желать лучшего...

Обычный интернет-ролик с дешёвенького сайта в минимальном разрешении расплылся по экрану огромными прыгающими пикселями. Впрочем, все присутствующие успели его уже не раз просмотреть до этого, в том числе некоторые – с использованием наихитрейшего оборудования.

На фоне всё той же мятой чёрной тряпки, уже засветившейся в историческом ролике с похитителями, телом и мозгом в склянке, стоял уже вполне живой Ильич. Точь-в-точь как на революционных плакатах: с огромной лысиной, маленькой бородкой, хитрыми прищуренными глазами, в костюме-тройке модного для начала XX века покроя с красным бантом на груди, с кепкой в руке. И почему-то в пальто. Говорил он, отчаянно картавя, делая острые и быстрые движения, раскачиваясь всей верхней частью тела.

– Товарищи! За время моего отсутствия в государстве и в мире не изменилось ровным счётом ничего! Поэтому я готов, я должен вновь возглавить рабочее движение. Некоторые проблемы ещё более усугубились за прошедшее столетие! – «Ленин» махнул рукой с зажатой в ней кепкой куда-то себе за спину. – Поскольку капитализм искусно маскируется, пытается подачками умаслить, обмануть рабочий класс и сохранить свою гегемонию. Современное общество всё построено на эксплуатации громадных масс рабочего класса ничтожным меньшинством населения. Это общество рабовладельческое, ибо свободные в кавычках рабочие, всю жизнь трудящиеся на капитал, имеют право лишь на такие средства к существованию, которые необходимы для содержания рабов, производящих прибыль, для обеспечения и увековечения капиталистического рабства.

Прокуроров потянулся к пульту и нажал на паузу. Вождь замер в самом лубковом виде, с протянутой рукой, крепко сжимающей кепку.

– Я думаю, вы все это уже внимательно просмотрели. Приходит много сообщений о реакции в обществе. Президент полагает, что есть реальная угроза национальной безопасности, хотя пока ярко и не выраженная. Именно поэтому он это дело и поручил не какому-то отдельному ведомству, а Совету безопасности, – Алексей Владимирович зарделся от значимости, спина сама собою выпрямилась. – Какие у вас мнения?

Секретарь строго оглядел всех присутствующих по очереди и остановился взглядом на академике. Повелительно кивнул. Академик суетливо собрал в кучу разложенные перед ним бумаги, накрыл их ладонями и слегка похлопал, как бы демонстрируя результаты долгих трудов.

– Мы следим за этим, разумеется, с самого начала. Я уже докладывал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.